

18+

*Рисуя
тебя
кистью*

Дарья Ушметова Артем Куркин

Дарья Ишметова

Рисуя тебя кистью

«Издательские решения»

Ишметова Д.

Рисуя тебя кистью / Д. Ишметова — «Издательские решения»,

Она — новенькая, которая ещё не поняла, куда попала. Он — бунтарь с репутацией отличника: дерзкий, язвительный, но одержимый знаниями настолько, что учителя прощают ему любые выходки. Между ними — невидимая стена, разделяющая их жизни, словно штрих кисти. Но что, если однажды эта граница будет стерта?

© Ишметова Д.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие от Артёма Кируша	6
Глава 1. Ольга: Новая жизнь	7
Глава 2. Богдан: Новенькая	11
Глава 3. Ольга: «Тёмная лошадка»	15
Глава 4. Богдан: Тётушка	17
Глава 5. Ольга: Первый контакт	23
Глава 6. Богдан: Разбитое сердце	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рисуя тебя кистью

Дарья Ишметова
Артем Кируш

© Дарья Ишметова, 2026

© Артем Кируш, 2026

ISBN 978-5-0071-3554-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от Артёма Кируша

Началось всё с короткого сообщения от Дарьи Ишметовой с вопросом о моем опыте соавторства. Я честно признался, что давно мечтаю написать совместную с другим автором книгу, но пока не реализовал это. Дальше, как по нотам, слово за слово, и мы уже обсуждаем основную идею нашей будущей книги, с какого момента следует её начать, как построить структуру книги, как распределить наши роли.

В итоге получилось так, что главы от Богдана написаны мной, а Дарья работала над главами от Ольги. Редкие исключения были в диалогах или коротких эпизодах, а ещё мы часто советовались друг с другом, но ещё чаще пребывали в полном недоумении после получения очередного эпизода от соавтора.

Самым популярным вопросом, который я задавал сам себе, стал: «И что мне теперь с этим делать?», а свои главы мы отправляли друг другу с пометкой: «И что ты на это ответишь?» или «Твой ход».

На мой взгляд, книга получилась искренней, и мне часто было очень стыдно за поведение своего героя, когда я читал главу Дарьи и видел, к каким последствиям привели его действия. Однако мы не переписывали историю и не вносили правки в предыдущие главы, несмотря ни на что.

Удалось ли нам передать разный взгляд на одни и те же события с женской и мужской точки зрения — решать вам!

Приятного чтения, наш дорогой читатель!

Глава 1. Ольга: Новая жизнь

— Эта школа — идеальный вариант для тебя, — уверенно произнёс отец. — Сын моего коллеги смог сдать все экзамены на отлично и поступить на бюджет.

Он взлохматил мне волосы — так, словно мне до сих пор пять лет, — и усмехнулся той самой доброй улыбкой, которая у него получалась лучше всего.

— Оля, я возлагаю на тебя большие надежды в ближайшие два года, — добавил он.

Я ответила ему взглядом исподлюбья, демонстративно скрестив руки на груди. В нашей семье последнее слово всегда оставалось за папой. Он единолично решал все вопросы — мнение мамы, а тем более моё, его попросту не интересовало. И нынешняя ситуация не стала исключением.

Отец самолично вынес вердикт: моей старой родной школе №1201 больше не место в моей жизни. По его словам, там были слишком слабые педагоги, чересчур шумные одноклассники, оказывающие на меня «неблагоприятное влияние», а само здание выглядело недостаточно презентабельно.

Завершив мысленную инспекцию, папа быстрым, почти машинальным движением проверил содержимое своих карманов: пересчитал купюры в бумажнике, убедился, что ключи от машины на месте, и напоследок бросил на меня короткий, но внимательный взгляд.

— Всё, я пошёл.

— Угу, — лишь промычала я в ответ, не поднимая взгляда.

Мама, всё ещё с полотенцем в руках, стремительно выбежала из кухни. Она чмокнула папу в щёку, одновременно распахивая перед ним входную дверь. Едва замок щёлкнул, оповещая об их уходе, я подняла на неё взгляд, старательно копируя выражение лица кота из «Шрека». Надеюсь, что этот жалобный, почти детский вид растопит мамино сердце и заставит её передумать.

— Ну ма-ам... Ну зачем? — протянула я, растягивая гласные в последней надежде.

— Солнышко, — мама мягко обняла меня, прижимая к своей груди и ласково поглаживая по голове, — это решение папы, и он действует исключительно из заботы о твоём будущем.

— Но мне нравилась моя школа! Я не хочу в другую! — резко оборвала я её, с вызовом глядя прямо в глаза.

— Оля! — тон мамы мгновенно изменился, перепрыгнув с успокаивающего на строго-наставительный. — Ты должна гордиться своим отцом. Он думает о твоём будущем.

— О каком будущем, мам? — я резко отстранилась, чувствуя, как в глазах закипают слёзы, а голос дрожит от обиды. — О том, где я через несколько лет стану хирургом, как и он? Но я не хочу быть врачом, мам!

Меня буквально передёрнуло от одной только мысли о крови. А уж перспектива собирать людей по кусочкам или зашивать внутренние органы вызывала почти физическую тошноту. Я отчаянно пыталась достучаться до мамы, цеплялась за последнюю надежду, что она поймёт и встанет на мою сторону.

Но мои слова будто растворялись в воздухе, не достигая цели. Они пролетали мимо неё, ударялись о невидимую глухую стену и рассыпались на мелкие осколки, так и не найдя отклика.

Если с папой диалог был изначально обречён на провал, то на маму я всё же возлагала хоть какие-то надежды. И именно её последние слова о «светлом будущем» окончательно разрушили хрупкий мост моего доверия.

— Собирайся! — мама строго указала на часы. — Занятия начнутся через двадцать минут.

Я стремительно схватила рюкзак, бесцеремонно валявшийся на полу, и перекинула его через плечо. Наспех собрала волосы в небрежный хвост и выскользнула за дверь, громко хлопнув ею в знак молчаливого протеста.

Внутри меня кипела злость. Мне было невыносимо, когда за меня решали абсолютно всё: в какой одежде я должна выйти из дома, по какому маршруту идти, какие слова произносить и какие действия совершать. Но папа справлялся с этой ролью безупречно — он управлял моей жизнью, словно кукловод марионеткой. Он дёргал за невидимые нити, направляя меня по заранее проложенному маршруту к «светлому будущему». К тому самому будущему, которое он сам для меня спланировал.

И вот сейчас, на пороге новой школы, я делала шаг в это предначертанное будущее. Шаг, который, по замыслу отца, должен был привести меня к блестящим результатам на экзаменах.

Я шла, рассеянно подбрасывая носком ботинка мелкий камешек, который скакал по асфальту, словно крошечный мячик. У него была простая цель — просто двигаться вперёд, и я невольно завидовала этой безыскусной прямолинейности.

Когда я подошла к калитке, передо мной предстало внушительное здание. Новая школа оказалась куда масштабнее той, где я училась раньше. Но больше всего поразил не размер, а невероятное количество людей — учеников здесь было в десятки раз больше.

Взгляд невольно притягивали стены, расписанные буйством красок. От солнечно-жёлтого до пронзительно-голубого — палитра казалась фантастической. Я задумалась: какой талантливый художник смог превратить обычные школьные стены в такое красочное великолепие?

Да, мне всегда нравилось рисовать. И где-то глубоко внутри я точно знала: после школы — только на дизайнера! Я, конечно, никому не говорила, даже родителям, но потихоньку выяснила, куда можно подать документы и что сдавать. И знаете что? У меня реально были шансы! Ну, были бы... если бы папа уже не расписал за меня всё моё светлое будущее.

Сдав вещи в раздевалку, я направилась к табло, чтобы изучить расписание своих занятий. Однако непрерывный поток школьников, хаотично носившихся по коридорам в разные стороны, серьёзно затруднял моё движение. Младшие ученики то и дело норовили сбить меня с ног, и, вовремя отпрыгнув в сторону, я едва успела избежать столкновения с проходившим мимо преподавателем — его плечо лишь скользнуло по моей руке.

У доски с расписанием царил настоящая толчея. Народу было столько, что мне едва удавалось разглядеть хоть строчку из расписания сквозь людскую массу.

— А ну, малолетки, разошлись! — внезапно прогремел громкий голос.

В самую гущу толпы решительно направился крупный парень, чьи широкие плечи и мощное телосложение делали его похожим на шкаф. Он двинулся вперёд, словно таран, бесцеремонно расталкивая всех на своём пути. Недовольные школьники завертели головами, пытаясь отыскать источник возмущения.

Парень с короткой тёмной стрижкой и наглой, самодовольной улыбкой на лице явно наслаждался происходящим — хаос вокруг, похоже, давал ему ощущение превосходства над остальными. Он замер перед доской с расписанием, а затем, не теряя самообладания, одной рукой бесцеремонно сгрёб в охапку стоявшего рядом школьника. Резким движением он растрепал его длинные волосы, превратив аккуратную причёску в настоящее птичье гнездо.

— Ты девчонка или кто? — с издёвкой бросил он.

Школьник снизу бросил на него сердитый взгляд, явно готовясь разразиться гневной тирадой. По низкому росту и огромному портфелю за спиной было ясно, что он учится в пятом или шестом классе.

— Отстань, Гордей! — резко попытался вырваться тот.

— Малой, не налей! — грубо бросил Гордей и отпихнул школьника в сторону. Тот потерял равновесие и повалился прямо на меня. Я машинально подхватила мальчика, но от толчка сама навалилась на кого-то, кто стоял позади.

Осознав, что невольно задела незнакомого человека, я тут же поспешила извиниться:

— Ой, прос...

Развернувшись, я замерла: передо мной оказалась чья-то широкая грудь. Медленно подняв взгляд, я сначала заметила пронзительно-зелёные глаза — они словно проникали в самую душу. Парень был чуть выше меня, с хмурым, неприступным выражением лица. Он не отрываясь смотрел на Гордея — казалось, между ними идёт безмолвная борьба, в которой больше никто не участвует.

Коротко стриженные волосы, правильные черты лица — он мог бы показаться весьма симпатичным, если бы не бакенбарды и едва заметные юношеские усы. Почему-то он не сбривал их вместе с остальной щетиной, что придавало его облику какой-то нарочито небрежный вид.

Я застыла, заворожённо разглядывая это необычное лицо, и, кажется, напрочь забыла, как говорить. Но парень, даже не удостоив меня взглядом, осторожно взял за плечи и мягко отодвинул в сторону — будто я была не человеком, а каким-то случайным препятствием на его пути.

— 202-й кабинет, пацаны! — громко крикнул Гордей, и часть школьников тут же рассыпалась в разные стороны, словно по команде, освобождая пространство вокруг расписания.

Глубоко вздохнув, я подошла ближе и принялась выискивать в списке свой 10-й «А» класс.

— Новенькая? — раздался рядом голос.

Я обернулась: ко мне вплотную подошла девушка с распущенными волосами и ярко-красными губами. Её взгляд был цепким, но не враждебным.

— Ага, — коротко кивнула я.

— Я Алёна. А ты Оля Юдина? — уточнила она, чуть склонив голову набок.

— Да, верно, — подтвердила я, невольно выпрямляясь.

В этот момент пронзительный вой звонка заставил меня вздрогнуть — я даже слегка подпрыгнула от неожиданности. В моей старой школе звонок звучал совсем иначе: он просто оповещал о начале урока, а не ревел так, будто кто-то скребёт ложками по металлическим тарелкам прямо у меня в голове.

Заметив моё замешательство, Алёна разразилась звонким, заразительным хохотом.

— Пойдём! У нас сейчас литература, — весело бросила она.

Моя новая одноклассница решительно схватила меня за локоть и почти потащила к лестнице. Мы поднялись на второй этаж, отыскиали нужную дверь и вошли в класс.

За учительским столом уже сидела преподавательница литературы. Алёна юркой птичкой скользнула за вторую парту, а я замерла посреди кабинета, растерянно озираясь в поисках свободного места. Но, как назло, все парты были заняты.

— Новенькая? — снова прозвучал вопрос, вырвав меня из оцепенения.

Я подняла глаза на учительницу и машинально кивнула. Она подошла, мягко обхватила меня за плечи и слегка прижала к себе, словно намекая мне, что рядом с ней я в безопасности.

— Ребята! — её громкий, уверенный голос мгновенно заставил класс притихнуть. — У нас сегодня пополнение. К нам в класс поступила новенькая девочка, её зовут Оля.

Я оглядела класс, с которым мне предстояло учиться, и почувствовала, как глаза разбегаются: столько незнакомых лиц, столько взглядов, направленных на меня. Здесь было куда больше ребят, чем я ожидала.

— Значит, Оля — перезревшая фасолька? — раздался знакомый наглый голос.

Класс взорвался громким, раскатистым смехом.

Мои щёки мгновенно опалило жаром, а внутри всё сжалось от стыда. Фасолью меня ещё никогда не обзывали, а уж «перезревшей» — тем более.

Но когда я встретила взглядом с автором этого прозвища, сердце ухнуло куда-то вниз, к самым пяткам. Это был тот самый Гордей — тот, кто недавно расталкивал всех у расписания. Почему именно я попала в его класс? Похоже, мне не везло ни с родителями, ни с новой школой, ни вообще с этой жизнью...

— Баяндин, прошу оставить шуточки при себе! — резко осадил его учительница, а затем повернулась ко мне: — Меня зовут Нина Николаевна, я преподаю литературу. Надеюсь, тебе у нас понравится. Прошу занять свободное место.

Она жестом указала на парту, которую я не заметила раньше, и слегка подтолкнула меня вперёд.

Тяжёлым, неуверенным шагом я прошла между рядами и опустилась за четвертую парту рядом с парнем в круглых очках, как у Гарри Поттера. Рюкзак я повесила на спинку стула.

Разворачиваясь, я случайно встретила взглядом с теми самыми глазами — глубокого зелёного цвета. Парень сидел чуть поодаль: его русые волосы и пронзительный взгляд поразили меня, словно электрический разряд. Лицо его было таким суровым и замкнутым, что на мгновение мне показалось: если я продолжу смотреть на него ещё пару секунд, он пропустит меня через мясорубку.

Я поспешно отвернулась и, разворачиваясь, случайно задела своим длинным хвостом соседа. Тот нервно заёрзал на стуле и поспешно уставился на доску, избегая моего взгляда.

Глава 2. Богдан: Новенькая

Как обычно, я проснулся за пару минут до звонка будильника. Если это можно считать суперспособностью, то она у меня была. Причём совершенно не важно, на какое время я поставлю будильник. Я всегда просыпаюсь за несколько минут до звонка, но обязательным условием является наличие будильника. Иначе это не работает. Да вот только проснуться ещё не значит встать.

Ощущение было такое, что голову чем-то тяжёлым придавили к подушке и её было не поднять. На мгновение промелькнула опасная мысль о том, чтобы поспать ещё часик, но нужно было подготовить квартиру к возвращению мамы, которая осталась на ночь у своих родителей. Она всегда ночевала там, когда дедушка или бабушка болели. В такие дни болезни дедушки, как сейчас, днем за дедом смотрела бабушка, а на ночь оставалась моя мама.

Не отрывая головы от подушки, я сполз с кровати на пол, но тут же пожалел об этом способе встать с постели, когда приземлился голым коленом на пустую жестяную банку из-под газировки. Резкая боль в колене моментально привела меня в чувство, и я принял вертикальное положение, но глаза по-прежнему отказывались открываться.

Пробираясь на ощупь до двери, я умудрился ещё споткнуться о пустую бутылку и наступить на пачку чипсов, которой, судя по громкому хлопку и характерному звуку рассыпающихся по полу сухих крошек, удалось каким-то чудом уцелеть после ночного визита моих друзей.

Несмотря на то, что мне было безумно интересно проверить масштабы бедствия в комнате, я не стал включать свет, ибо мои глаза ещё не были к этому готовы. Также на ощупь добравшись до туалета, я сел на унитаз, но моё внимание привлекло слабое посапывание в ванне. Хотя я был абсолютно уверен, что всех проводил прежде, чем лечь спать, но видимо, кто-то решил переночевать у меня.

Не открывая душевую шторку, я нащупал рукой чье-то плечо.

— Ты кто? — хриплым и сонным голосом выдавил я.

— А? Что? — послышалось в ответ.

— Ты кто? — повторил я свой вопрос.

— Я Игорь, — голосом человека, чей испуг проигрывал в борьбе со сном, ответил мне парень за шторкой.

— Иди домой, Игорь, — твердо потребовал я, пытаюсь вспомнить, что за Игорь был вчера с нами.

— А нет, мне во вторую смену.

— Игорь! Иди! Домой! — пришлось мне сделать акцент на каждом слове, чтобы парень заторопился, неуклюже на четвереньках выполз из ванны, ударился плечом о дверной косяк; некоторое время он шуршал вещами в прихожей, а потом послышался скрип входной двери.

Умыв лицо и голову холодной водой у раковины, я взял щётку с совком и вышел из санузла.

Включив свет, с минуту оценивал объём предстоящей работы. Всё оказалось не так плохо, как месяцем ранее, когда кто-то уронил на пол банку со сметаной, но и на этот раз мне пришлось потратить почти два часа, чтобы всё привести в порядок.

Контрольный осмотр комнаты и кухни потребовал ещё два раза вернуться в комнату с влажной тряпкой, но в итоге я остался доволен результатом. Правда, на завтрак времени уже не оставалось. Поэтому пришлось довольствоваться двумя кусками хлеба и стаканом молока. Зубы я уже чистил для формальности, но голову ещё раз ополоснул под раковиной. В этом заключалась ещё одна прелесть коротких волос.

Учитывая, что отец был в командировке, можно было ограничиться джинсами и футболкой. Иначе пришлось бы ещё гладить рубашку и завязывать галстук. Может, когда он вернётся,

уже удастся его убедить, что в школу никто так не ходит. Нужно только подобрать слова и весомые аргументы. У меня даже появилась какая-то умная мысль по этому поводу, но в этот момент мой чёрный пакет со школьными принадлежностями решил, что с него довольно, и, порвавшись, вывалил всё содержимое на пол.

Под раковиной, за мусорным ведром, из всего приличного и не рваного нашёл только какой-то ужасный ярко-зелёный пакет с уродливыми красными яблоками и с каплями росы на них. Ещё был вариант с подсолнухами, но я ещё планировал учиться пару лет в этой школе, поэтому пришлось выбрать яблоки.

Главное — сделать вид суровый. Взгляд исподлобья. Брови нахмурить. Я не был самым сильным в школе, но шутки над моим новым ярким пакетом вместо рюкзака были недопустимы. Психов боялся. Главное — не забывать, что я псих. Нужно вжиться в эту роль. Поверить самому себе. Тогда никто не посмеет бросить шутку в мой адрес про чёртов пакет, а значит, не придётся ввязываться в драку.

Я настолько был поглощён своими мыслями, что не заметил, как дошёл до школы и оказался возле стенда с расписанием уроков. Я вернулся в реальность только в тот момент, когда на меня спиной навалилась незнакомая мне девушка с длинными густыми волосами, которая, в свою очередь, пыталась удержать какого-то мальчишку.

Всё стало на свои места, когда я, наконец-то придя в себя, увидел перед собой Гордея с его наглой и самодовольной ухмылкой. Я аккуратно подвинул в сторону девушку и хотел уже врезать своему однокласснику. Ведь не было сомнений, что он специально это подстроил, но по выражению его лица было понятно, что он только этого и ждёт от меня. Мне было сейчас совсем не до разборок, и к тому же стоило признать, что мы с ним были в разных весовых категориях. Хорошо, что он тоже не был уверен в своих силах и поэтому не стал провоцировать меня дальше, а громко выкрикнул номер нашего кабинета и ушёл как ни в чём не бывало.

Едва я успел сесть на своё место, как прозвенел звонок. Практически все уже собрались, когда в класс юркнула Алёна, а за ней зашла та самая девушка, которая уже побывала сегодня в моих объятиях. Я вновь обратил внимание на её густые волосы и выразительные голубые глаза. Или даже скорее синие, которые округлились до невозможности с растерянным видом новичка, ищущего себе места, чтобы скорее скрыться от внимательных посторонних глаз.

Она старалась держаться уверенно, но я заметил, как она слегка покусывала губы, а когда садилась на стул, умудрилась хлестнуть соседа своими волосами, небрежно собранными в один пучок. Явно она не прихорашивалась полчаса у зеркала, но эта лёгкая небрежность придавала ей какой-то особый шарм. Несомненно, что-то притягательное было в ней, но эта идеально выглаженная белая блузка и чёрные брюки, выгодно подчёркивающие её изящные изгибы бёдер, кричали, что мне не стоит даже думать в этом направлении. А этот её белоснежный рюкзак с какой-то странной брошью, похожей на кисточку? И я тут со своим пакетом с красными яблоками.

— Белов! — сквозь плотный туман мыслей в своей голове распознал я голос Нины Николаевны, и, судя по интонации, моя фамилия звучала уже не в первый раз, а я настолько засмотрелся на новенькую, что даже имени её не расслышал, когда её представляли, собственно, как и очередную дурацкую шутку Гордея в её адрес. — Белов, к доске!

Я медленно встал со своего места и, пронзительно оглядывая каждого, так же неспешно пошёл к доске. Это был мой предупреждающий взгляд. Напоминание всем, что им не поздоровится, если кто-то случайно сдаст меня своим хихиканьем.

У доски я занял торжественную позу, расставив ноги на ширине плеч, и громко начал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся...». В этот момент меня учительница вполне ожидаемо остановила.

— Белов, — с наигранной заботой в голосе начала Нина Николаевна, — что на этот раз? В прошлый раз твой дневник промок, когда ты доставал какого-то мистического дедушку,

зачем-то упавшего в реку. Бродячие собаки уже несколько раз выдёргивали твой пакет из рук. Что придумал на этот раз?

— Ничего я не придумал, — старался с уверенностью в голосе отвечать я.

— Фантазия закончилась?

— Ничего не закончилось, — не обращая внимания на лёгкое перешёптывание и смех среди девочек, стоял я на своём.

— Хорошо! Мы сейчас какого поэта проходим?

— Некрасова.

— Тогда почему ты читаешь нам Тютчева?

— Нина Николаевна, ну мы же с вами договаривались, — стараясь выдать из себя самый невинный и нежный голос, в очередной раз начал я свою историю. — Разве вы не помните, что, когда мы изучали Тютчева, я по ошибке выучил стихотворение Некрасова? И мы с вами договорились, что, когда будем изучать Некрасова, я выучу Тютчева.

— Вот вечно у тебя так, Белов. И как ты собираешься выживать во взрослой жизни? У тебя же всё время всё наперекосяк! В институте это не прокатит. Там никто с тобой нянчиться не будет.

Мне очень повезло, что Нина Николаевна настолько увлеклась воспитательными речами в мой адрес, что не услышала, как Алёна почему-то прямо в этот момент решила новенькой пояснить, что я уже третий раз получаю пятёрку за это стихотворение.

После урока литературы я как раз шёл к Алёне, чтобы объяснить ей о недопустимости такого поведения, как дорогу мне перегородил Гордей.

— Ну, как тебе новенькая, а? — смехом, больше похожим на ржание коня, скалился он, а его адепты, стоящие рядом, заливались диким хохотом гиен. — А как тебе мой утренний подарок? Оценил? Успел её пощупать за мягкие места?

— Просто отвали, Гордей, — с ноткой усталости в голосе, в виде рекомендации, выдал я в ответ.

— Что, нет? Не стал проверять под шумок, что у неё под лифчиком? Или у тебя не работает, и тебе это не надо?

Если каждая предыдущая фраза сопровождалась смехом ребят, стоящих рядом, то по итогам последнего вопроса наступила полная тишина. Все поняли, что Гордей перегнул палку, но я притворился, что сумел сдержать себя, хотя на самом деле я не знал, чем всё закончится, если я вступлю в драку с ним. С первого класса, если не с первого сентября, мы постоянно конфликтовали с Гордеем. И если в младших классах наши силы были примерно равны, мы были примерно одинаковой комплекции, то за последние пару лет мой одноклассник набрал в весе, чем и пользовался во время наших стычек.

— Хочешь проверить? — процедил я сквозь зубы, сжимая кулаки.

— Не-е-е! — снова заржал Гордей. — Это как-нибудь без меня. Я только по девочкам.

— Не переживай, твоя мамка тебе потом расскажет, как всё было.

Наступила тишина. На этот раз уже я зашёл слишком далеко, но оставить без ответа сразу два оскорбления было недопустимо.

— Идиота ты кусок, Богдан, — с наигранной дружественностью начал мой одноклассник. — Даже не целый, а лишь кусок. Я же ради тебя стараюсь. Девочку вон прям в руки подогнал, а ты глупости всякие болтаешь. Не хочешь — так и скажи. Сам её трахну.

— Оставь её в покое. Видишь же, что она не такая.

— Да все они такие! Шлюхи, как и твоя мать!

Мой кулак молниеносно полетел в лицо Гордея, но моя ставка на неожиданный первый удар явно не сработала. Острая боль в щеке, яркая вспышка в глазах, и я уже сижу на полу. Напротив меня мотает головой Гордей. Значит, ему тоже досталось. Я попытался встать, но мой противник среагировал первым и всем своим весом налетел на меня. То ли чудом, то ли

за счёт инерции мне удалось перекинуть соперника через себя. На короткое мгновение я даже навис над ним, но уже через секунду мы, вцепившись друг в друга катались по полу и пытались наносить удары.

Глава 3. Ольга: «Тёмная лошадка»

Я ещё не поняла, что это за школа, но класс, в который я попала, мне определённо не нравится. Один называл меня фасолькой, второй грубит учителю. Нет, в моей старой школе тоже были подобные типы, но там выработалась своя система, в которую ты плавно вклиниваешься и умеешь обходить таких личностей стороной. Но здесь другая школа, другие ребята, и я не знаю, чего ожидать от них.

Выйдя из класса, Алёна подхватила меня за локоть и шепнула на ухо:

— Белов опять взбесил классную.

— Что? — я уставилась на неё с недоумением.

— Да Богдан, вечно умничает и строит из себя чёрт знает что...

— Богдан? — я развернулась вполоборота, чтобы посмотреть, кто такой Богдан. Но в толпе выходящих из класса одноклассников было не разобрать, кто из них кто. Тем более на лбу имена ни у кого не подсвечиваются. Но Алёну понесло дальше:

— Вообще держись от него подальше. Он тёмная лошадка. Знаешь, такой сам по себе. — Она взмахнула рукой у виска, намекая мне на то, что у него с головой проблемы. — Некоторые называют его психом.

Я глядела на новую одноклассницу с широко распахнутыми глазами и мой жёсткий диск в мозге начал ускоренно обрабатывать информацию, откладывая в памяти ценные сведения.

— А Гордей? — переспросила я, потому что второй одноклассник мне казался более опасным, чем Богдан.

— О, Баяндина лучше вообще обходи стороной. Если Мучкина узнает, что кто-то засматривается на её суженого, реально не поздоровится.

О Господи, сколько новых имён.

— Мучкина, а это кто такая?

Алёна наклонилась чуть ближе и тихо прошептала, как будто боялась, что нас могут услышать.

— Её бывшая. Она из параллели. Высокая такая блондинка. Ты её сразу узнаешь, как увидишь.

Как я могу узнать тех, кого ни разу не видела? Она что, одна блондинка на всю школу? Алёна выдавала мне информацию со скоростью пулемётной очереди, и я не сразу могла сообщить, кто кем является и кто кому приходится. Я вообще не понимала, зачем мне эта информация. Но Алёна видимо, считала иначе.

— Я тут про многих знаю, мама мне и не такое рассказывала. Богдан, например, постоянно в ментовке сидит...

— Стоп, — я подняла руку, чтобы остановить словесный поток новой подруги. — Откуда ты это знаешь?

Алёна округлила глаза, удивляясь моему вопросу, попутно доставая из сумочки ярко-красную помаду и зеркальце.

— Как откуда? — она поднесла помаду к губам и начертила линию на верхней губе. — У меня мама завучем работает в школе.

— О! — я была удивлена, и непроизвольный вздох вырвался из моих лёгких.

— Вообще он странный тип, — Алёна закатила глаза к потолку, как будто там был ответ, почему Богдан такой странный, и снова приложила помаду к губам. — Вроде умный, учится хорошо, даже отлично, я бы сказала, но тёмный какой-то...

В этот момент на другом конце коридора послышался звук ударов и громкий гул голосов. Два парня вцепились друг в друга и уже оба катались по полу. Мы с Алёной машинально

повернулись. Я нервно схватилась за лямку рюкзака и отшатнулась, а Алёна с громким хлопком закрыла крышку помады.

— Я же говорила, — безразличным тоном заявила подруга, как будто в этой школе драки — привычное дело. А потом, будто ничего и не произошло, протянула мне помаду и сообщила:

— Хочешь?

Я взглянула на ярко-красный оттенок губ подруги, потом на дерущихся парней и снова на неё.

— Нет. Я не крашу губы.

Подруга пожала плечами и убрала помаду обратно в сумочку.

— Ну как хочешь. Пойдем, у нас следующий урок — алгебра.

Алёна схватила меня за локоть и потащила в другой конец коридора, тогда как я шла полубоком, чтобы посмотреть, чем же закончится драка. Интересно, что они не поделили? Если я правильно рассмотрела, то это были Гордей и тот самый Богдан Белов. Я шла, думая о своём, тогда как Алёна тараторила как радиовещатель. Она уже перешла на тему учителей и рассказывала мне все недостатки математички, химички, биологички. А физкультуру у нас вообще ведёт дед. Но он ещё в самом соку, говорит, любому школьнику даст фору. И мама Алёны его обожает. Поэтому он так и держится долго в школе.

На алгебре, естественно, ни Гордея, ни Богдана не было. Зато мне удалось сесть рядом с Алёной. Точнее — ей со мной. Того парня в круглых очках она сама прогнала, отправив его за первую парту. Удивительно, но он не стал сопротивляться. Видимо, мамина власть в школе что-то значит. И я подумала: если я стану врачом, как хочет папа, я так же смогу пользоваться его авторитетом?

Я совершенно не сомневалась в том, что практику я буду проходить именно в его больнице. В той больнице, в которой он фактически живёт. Да, он спасает людям жизни, делает их чуточку счастливей, но шаг за шагом убивает меня. В голове тут же всплыл образ Богдана. Ему так легко удалось отстоять своё мнение на литературе по ошибочному стихотворению. И это то, чего не хватает мне. Я не могу противостоять людям. Не могу сказать «нет». Иногда мне кажется, во мне совершенно нет силы воли. То, что лежит глубоко внутри, знаю только я. И чтобы вырваться из омута страшных мук, я снова начинаю рисовать. Каждый раз, когда плохо, я рисую. Когда весело — я рисую, и даже когда одиноко, у меня всегда есть они: карандаш и бумага.

После школы, когда я пришла домой, снова села рисовать. Мне необходимо было поделиться с кем-то своими эмоциями и переживаниями. Мама не поймет, папа не услышит. Я хочу говорить на бумаге, я хочу передать то, что увидела в первый день в школе.

Я взяла лист бумаги и начала. Линия за линией, штрихи, точные очертания. В памяти всплывают образы людей. Я мало о них знаю, но уже запомнила их черты лица. На первом листе — яркий профиль Алёны, алые губы — её фирменная изюминка; Богдан — суровый вид. Даже здесь он кажется мне совсем не дружелюбным. Парень, похожий на Гарри Поттера: его точный профиль сбоку, немного съехавшие очки и поджатые губы.

У меня всегда была феноменальная память на лица; я запомнила их выражения, эмоции, и они надолго впечатались в мою память. Под вечер, когда руки устали от перенапряжения, я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Кот запрыгнул на стол и лбом боднул меня в шею, еле слышно промяукнув. Я открыла глаза и погладила своего любимца, портрет которого я рисовала бесчисленное количество раз.

Из стопки бумаг под лапой кота выскользнул лист и упал прямо мне под ноги. Я нагнулась, чтобы поднять его и на меня уставился суровый вид одноклассника. Я рассматривала его пристально, изучающе долго.

— И кто же ты такой, Богдан Белов?

Глава 4. Богдан: Тётушка

Щека горела, затылок пульсировал неприятной болью, было тяжело дышать — что-то сдавливало в груди. Последствия бесполезной драки давали о себе знать, но если про всё это можно было сказать, что заживёт, то порванную футболку было не починить. Поэтому я шёл на рынок, который местные знали под названием «Берёзки». Говорят, что раньше там была большая берёзовая роща, и прямо под деревьями, вдали от нежелательных глаз, продавали краденые вещи, контрафакт и всякое барахло, которое часто можно было обменять на бутылку горячительного или купить за бесценок.

От берёз осталось только одно название, но рынок так и остался рынком со всеми своими правилами и законами. Раньше папа прямо запрещал мне ходить на этот рынок, называя его сборищем преступников. Однако сложно было его избегать, учитывая, как он манил всех мальчишек своей особой аурой, а также его близость к дому бабушки с дедушкой.

— Брателло! — издали приветствовал меня высокий парень худощавого телосложения с ярко выраженными выступающими венами на жилистых руках. — Знатно оттянулись, чувак.

— Да-да, — вторил второй, чуть ниже ростом, но такой же худощавый и в кожаной кепке. — Вообще ништяково вышло! Я в натуре требую продолжения банкета. Ха! — сам посмеялся над своей шуткой парень, чьего имени я ни разу не слышал, но все его называли «Кепка», потому что он не снимал свой любимый головной убор круглый год.

— Здоров, парни, — пожал я руку и приобнял ребят. — С радостью повторим. Вы только в следующий раз Игоря не оставляйте у меня. Повезло, что до прихода мамы я в ванну заглянул.

— Какого Игоря? — практически хором удивились ребята.

— Он вчера с вами пришёл, а утром я его нашёл спящим у себя в ванне, — пытался я объяснить, но по глазам ребят понял, что это бесполезная затея.

— Не знаем мы никакого Игоря, — напевающе протянул Кепка. — Ты бы поменьше на томатный сок своей матушки налегал, парниша. Ха, — коротко усмехнулся очередной своей шутке парень. — Пил бы с нормальными пацанами нормальные напитки, и ничего такого не случилось. Скажи, Майбас.

Станислав, которого все знали как Майбаса, молча кивнул, не отрывая взгляда от соседнего ларька.

— Чё почём? — на свой манер о моих делах поинтересовался Кепка, который был, как всегда, крайне учтив.

— Мне нужна точно такая же футболка, — пояснил я, распахнув свою ветровку.

— Че за дела, парниша? Это кто тебя так? — сразу разглядел глубокую ссадину под порванной футболкой Кепка. — Ты только имя нам дай. Мы тут все порешаем. Даже не думай.

— Всё в порядке, — попытался я заверить ребят, но мои товарищи не унимались.

— Ничего не в порядке. Я же вижу. Ты это прекращай. Мы за своих горой, не бросим, там, типа, как надо сделаем, — немного невпопад выпалил парень.

— Кепка дело говорит, — заговорил Станислав, продолжая смотреть куда-то в сторону. — Ты же наш кореш. Говори прямо, чем помочь.

— Подскажите, где футболку такую купить? — начал было я.

— Обижаешь! Зачем купить? Не надо никакой купить, — вмешался в наш разговор мужчина, стоящий за прилавком, протягивая мне точно такую же футболку, как у меня.

Я не хотел оставаться в долгу перед ребятами, поэтому уже полез в задний карман джинсов за деньгами, но Кепка уверенно, до лёгкой боли, вцепился своими костлявыми пальцами в мою руку.

— Ты хочешь обидеть этого достопочтенного господина? — дал мне понять расклад Кепка. — Ты скажи куда, где, как помочь. Футболка не проблема, сам же видишь.

— На самом деле мне нужны деньги, — признался я.

— Ну, чё, куда? Скажи, сколько, — полез за своим бумажником Кепка.

— Нет, — на этот раз так же цепко схватил я его за руку. — Я сделку предлагаю. Привезу, как в прошлый раз?

— Нам бы как позапрошлый раз, — улыбнулся Станислав. — Вот та — вообще тема была. Компактные. Удобные. Спрос на них есть, потому что они карманы рвут и выпадают постоянно.

— Свинца нет, — пожал я плечами. — Не смогу. А вот дерева полно.

— Так ты чего молчишь? — вмешался Кепка. — Мы тебе вмиг подгоним аккумуляторов из... из... — несколько раз попытался закончить он свою мысль, но безуспешно.

— Изношенные аккумуляторы нужно ещё собрать, верно? — уточнил я. — Значит, с этим в следующий раз. Сейчас я только могу предложить спортивный инвентарь.

— Ладно, — согласился Станислав. — Тащи.

— Погодь-погодь, — снова вцепился в мою руку Кепка. — А ты можешь мне сделать такую? В общем, с набалдашником таким.

Напрасно парень описывал круги и какие-то непонятные фигуры в воздухе, я оставался в недоумении.

— Да, блин! — начинал выходить из себя парень. — Ты мультик смотрел?

— Какой?

— Понятно, какой! Про этого с обезьяной.

— Маугли, что ли? — предположил Станислав.

— Да сам ты... — вовремя опомнился и прервал сам себя Кепка. — Этот, который в пустыне. Там у него в одной серии обезьянка типа с ума сошла и давай там на ковре своём с такой штукой с шипами.

— Булава? — предположил я.

— Да! Точно! Она самая, — загорелись глаза у моего постоянного заказчика. — Майбас, ты прикинь, как я такой весь крутой, как богатырь среднеземельный, залетаю с этим... как его там...

— Булавой, — одновременно подсказал и перебил я его, — но я не смогу её изготовить. Ни разу не делал, и материала нет.

— А чё так? Ты давай попробуй. А материалы не проблема. Хочешь, мы тебе брус привезём или вон тот дуб срубим?

— Нам пора, — остановил своего друга и верного соратника Станислав. — Тащи, что есть, — бросил он на меня короткий взгляд, — а теперь извиняй.

Когда ребята ушли, я немного замешкался на месте, но затем быстрым шагом направился в соседний ряд. Нужно было решить ещё одну проблему.

Об отстранении от уроков из-за драки, как и о самом инциденте, родители не узнают, ведь порванную футболку я уже заменил, лицо не пострадало в этот раз. На крайний случай, всегда можно сослаться на баскетбольный мяч во время тренировки, но нужно было вернуть в школу записку директора с подписью родителей. И даже подпись родителей не была проблемой, когда школа с пятого класса не видела настоящую подпись твоих родителей. Сложности были только с почерком. Если после долгих тренировок подпись стала более или менее сносной и могла сойти за роспись взрослого человека, то с почерком была беда, которую для меня решала тётя Люба, на этот раз встречающая меня у своего киоска с криками: «Даже не подходи!»

— Ну, тётя Люб! — пытался я состряпать невинное лицо.

— Мы уже в позапрошлый раз договаривались, что тот был последний раз! — стояла на своем дама, чей почерк в школе признавали за почерк моей мамы.

— Вы же знаете моего отца, — не унимался я. — Он ведь не будет церемониться. Четвертует меня за одну лишь детскую шалость в школе. А кто вам зимой будет тут снег расчищать?

— Да, ты мне уже лет пять должен бесплатно все расчищать зимой, а в другое время делать мне массаж ступней. Обоих!

— Тетя Люба, но ведь наша любовь дороже любой непогоды, а ваше доброе сердце не позволит загубить судьбу мальчишки, идущего на золотую медаль в школе.

— Ох, лиса! Ох, лиса, — сразу заулыбалась и потянулась за моим листком от директора продавщица нелицензионных компакт-дисков. — Что писать?

— Прийти в школу не смогу. Меры примем, — по слогам продиктовал я, потому что ранее тётя Люба уже умудрилась испортить одну школьную записку, из-за чего пришлось искать печатную машинку, чтобы составить дубликат выданного мне бланка.

Интересно, если бы я не заметил, как выгодно быть отличником, стал бы я так стараться в школе? Или моя любовь к книгам взяла бы верх над всем остальным в любом случае? Хотя эта любовь вряд ли бы возникла, если бы не долгие зимние вечера, когда у нас сломался телевизор. Первая книга была прочитана от скуки. Вторая — из интереса, поскольку первая была лишь началом трилогии. А затем пришлось скрывать от сверстников, что я люблю читать. А ведь это моя слабость. Мне стыдно признать, что я люблю читать. Когда мои друзья видели меня в библиотеке, я всегда оправдывался, что это меня мама попросила принести книгу для неё.

А ещё я не мог понять истинную причину, по которой шёл сейчас к своим бабушке с дедушкой. Я любил их, несомненно, но дед всегда придумывал какие-то нелогичные и никому не нужные задания. Они жили в частном доме, прямо на границе многоэтажных домов и частного сектора, куда цивилизация не спешила вовсе.

Мой дедушка, например, регулярно просил меня отремонтировать курятник, где не было живности уже лет пять. А ещё все эти дорожки в саду, которые всегда должны были быть расчищены от снега зимой и от листвы летом и осенью. Раньше дед всегда подкармливал синиц. Для этого он подвешивал на ветвях деревьев в своем саду куски сала. Годами ранее дедушка любил наблюдать за синицами из окна своей комнаты. Он уже несколько лет не был в силах выходить из дома, но я должен был регулярно расчищать дорожки на случай, если он решится выйти, и покупать сало на рынке, не называя истинную цену бабушке, потому что они не могли свыкнуться с текущим положением цен.

У меня не вызвали сомнений вопросы ремонта калитки или забора, например. Это было логично. Как и в этот раз, я заметил, что целый пролёт забора от столба до столба был вырван напроц, а в образовавшийся проем с интересом заглядывали какие-то мальчишки, но моего громкого «Потерялись быстро!» и взгляда исподлобья хватило, чтобы они тут же пустились наутёк. Для пущей надёжности я швырнул камень вслед и, как назло, несмотря на приличное расстояние, угодил аккуратно одному прямо в затылок. Тот упал. Моё сердце сжалось. Вторым парень обернулся в мою сторону. Я готов был бежать к ним, вызвать скорую, но нельзя было проявлять слабость. Нельзя менять выражения лица. Нужно с каменным лицом войти в калитку и там уже незаметно посмотреть в их сторону, чтобы убедиться, что всё хорошо с мальчишкой.

Облегчённо выдохнув, когда тот поднялся на ноги, я вошёл в дом.

Бабушка встретила меня коротким «привет» и словами: «чай только что вскипел». Она стояла возле печки, где на углях жарились оладьи. Я обнял её, а она похлопала меня по плечу. Она спешила к своим оладьям, а я не хотел её отпускать. Она так вкусно пахла в отличие от многих пожилых людей. Её щека была такой мягкой и нежной. Я бы мог прижиматься к ней вечно, но в нашей семье это не было принято. Поэтому я должен был принять ровную осанку настоящего мужчины, но голос мой дрожал, когда я спросил, как там дедушка.

— Всё так же, — слеза прокатилась по щеке бабушки.

— Мама сегодня придёт? — ненавидя себя за этот вопрос, который меня очень сильно интересовал, выдавил я из себя.

— Я пыталась её отговорить, но вы ведь не слушаетесь своих родителей, — смахнула слезу бабушка и потянула ухватом сковородку на себя. — А у тебя что со щекой? Опять подрался?

— Нет, конечно же. Сегодня была тренировка, и мяч по касательной задел, — выдал я заранее заготовленную фразу, но меня перебила бабушка.

— Я всё вижу! Помнишь? — голос моей бабушки сменился в одно мгновение.

— Помню, — тяжело выдохнул я. — Но он оскорбил мою маму! Твою дочь, между прочим, — на мгновение я решил, что этот трюк может пройти и с моей бабушкой, раз ранее несколько раз срабатывал с тётей Любой.

— Это всё слова и оправдания, — меня наградили строгим взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю, — которые ничего не будут значить над могилой человека. Ты посмотри на себя! Какой вон вымахал. Кулачища вон какие. А если ударишь не туда? Человека не вернёшь. И как жить будешь после этого?

— Прости, бабуль, — искренне произнёс я, хотя мысль о том, что многие даже не заслуживают смерти, не покидала мой разум. — Ба, а что там с забором? — сменил я свой тон на более суровый, подойдя к кровати дедушки, который, тяжело дыша, лежал на спине с закрытыми глазами.

— Хулиганы какие-то или ещё кто, — отвечала бабушка, переворачивая оладьи. — Ума не приложу, чем их наш забор не устроил. Я вроде весь мак выдернула. Может, что-то осталось, а я не заметила.

— Нет, бабуль. Я слежу за этим. Ничего такого там не росло. Хулиганы, видимо, но не переживай. Все исправим... Ба! Варенье закончилось. Какое достать?

У бабушки было самое вкусное варенье, которое только можно было где-то отыскать. И это было не только моё мнение. Ещё в начальных классах я привёл своего одноклассника в гости к бабушке, так он один всю пиалу с вареньем слопал и попросил ещё, оставив всякую скромность.

После чаепития с бабушкой я занялся починкой забора. Мне некуда было спешить. Раньше времени возвращаться домой было рискованно. Мама могла прийти на обед или отпроситься с работы, ведь она практически не спала, ухаживая за своим отцом. Тогда пришлось бы объяснять, почему я сегодня так рано освободился из школы. Поэтому я привел забор в идеальное состояние. Однако самое досадное было в том, что в процессе я порвал свою новую футболку о торчащий из изгороди гвоздь.

Первой мыслью было, что я таким образом мог бы легализовать порванную в школе футболку, но я понимал, что даже свидетельские показания бабушки не избавили бы меня от подозрений родителей, которые мне были совершенно ни к чему.

Благо, я уже знал, куда идти за новой аналогичной футболкой. Продавец напрочь отказывался от платы, озирался по сторонам, но я всучил ему сумму, которая должна была покрыть стоимость обеих футболок.

С забором я провозился больше, чем планировал, поэтому уже спешил к своему товарищу, который учился в параллельном классе, но прежде нужно было решить ещё один вопрос, с которым мне помог мужчина, спавший прямо на тротуаре рядом с парком.

— Дело есть! — слегка толкнув его носком своих кед, разбудил я его.

— Я сейчас как встану, а ты ляжешь, — услышал я в ответ.

— Купи три бутылки водяры, — не обращая внимания на грубый ответ и крайне неприятный запах, продолжал я. — Одна твоя, две — мои.

— Какие купить? — тут же оживился тот.

— Самые дешёвые.

— От него же голова болит, а ты еще вон какой молодой. Давай я лучше тебе куплю...

— Три! Бутылки! — выделил я каждое слово, не дожидаясь окончания его фразы, — Одна твоя. Две — мои.

Вскоре три бутылки были у меня. Одну я отдал своему посыльному, который теперь уже кланялся мне, рассыпаясь в благодарностях с самыми красивыми словесными оборотами, которые я слышал только от его коллег по образу жизни. Вторую я потратил на протирание третьей бутылки и своих рук. Я дезинфицировал их, но оглядывался по сторонам, поскольку это тоже недопустимое проявление слабости. Если я избавлюсь от этой своей брезгливости, буду ещё свободнее!

У меня ещё оставалось некоторое время до момента, когда я должен объявиться дома и подтвердить своё присутствие звонком маме, поэтому я заглянул к Ксении, которая встретила меня полярным холодом, как это бывало всякий раз, когда мои визиты к ней не были заранее согласованы. И даже любимый ею плиточный шоколад, несмотря на то что был ею принят, не растопил её сердце.

Начиная с «Зачем пришел?» и закончив через три минуты «Люблю, не могу, но и выйти погулять не могу — папа дома», моя зазноба захлопнула дверь перед моей «наглой рожей», как она успела два раза напомнить за эту короткую встречу. При этом она не упустила возможности урвать у меня небольшую сумму «на помадку». Я бы мог попытаться объяснить ей, что она и без того хороша собой и что косметика ей не нужна, но боялся прослыть скрягой. Поэтому каждый раз попадался на это и порой отдавал последнее на её кремы, туши и прочий телевизионный разводняк.

Но я обожал такие моменты! Потому что за этот день уже произошло абсолютно всё, что могло только произойти. В такие моменты я называл себя провидцем. Потому что теперь уже никаких отклонений от моего плана. Я уже точно знал, что приду домой, поцелую маму, которая в тот день вернётся с работы раньше обычного, за пятнадцать минут выполню все домашние задания, ещё минут пятнадцать буду под учебником скрывать книгу про приключения индейцев, а как только мама уйдет к бабушке с бабушкой, я сразу же направлюсь к своему товарищу Пете из параллельного класса.

И я точно знал, что сегодня даже бутылка, спрятанная в подвале, не будет никем обнаружена. Затем Петя будет некоторое время сопротивляться моему предложению и будет рассказывать, что его отец и без того уже пьёт вторую неделю, но и я приведу ему весомые аргументы, что скоро вернётся мой отец, и дед не будет болеть вечно, а после озвучивания суммы в рублях, которую мы можем заработать за одну ночь, он возьмёт мою бутылку и спрячет у себя дома, но так, чтобы его отец нашёл её. Дальше тот уже сходит в нашу школу, чтобы принять её на охрану, но по пути заглянет в ларёк и к ночи не будет в состоянии исполнять свои обязанности охранника.

Дальше уже задача Пети — проявить заботу о своей маме, которая начнёт собираться на ночной обход вместо своего мужа, и принять эту ношу на себя. Затем ещё одна бессонная ночь, которую я проведу за столярным станком в кабинете труда, а мой товарищ — на подхвате, но ему придётся один раз вернуться домой, чтобы показаться перед уже сонной матерью, которой к восьми утра на завод.

Весь результат нашего труда в виде бейсбольных бит нужно будет аккуратно упаковать в большие спортивные сумки и перетащить в тренажерный зал, находящийся в том же подвальном помещении напротив нашей мастерской. Оттуда уже на следующий день нам помогут их вытащить начинающие бодибилдеры. Вот бы руководство школы знало об истинной причине выросшей за последний год популярности тренажерного зала. Хотя нет. Не стоит им этого знать.

А я это все знал. Я знал, что так оно и будет. И так оно и было в тот вечер и в ту ночь. Куда сложнее было незаметно разложить по карманам сезонных вещей своих родителей по крупной купюре из вырученных за товар денег. Так здорово было наблюдать за ними, когда они осенью

доставали свои зимние вещи, а весной — летние, и находили мои купюры. «Как же так! Я же проверяла все карманы!» — искренне радовалась моя мама. Отец всегда ворчал: «Внимательнее проверяла бы, мне не пришлось позориться и занимать у соседа на зимнюю резину. Знаешь, как бы нас здорово выручили эти деньги в ноябре, не будь ты такая невнимательная?».

Счастливые глаза мамы, полные искренней веры в чудо, стояли одной бессонной ночи и этой тайны, что их сын уже зарабатывает деньги.

Глава 5. Ольга: Первый контакт

В класс зашли четыре парня. Один — невысокого роста, в очках; второй — интеллигентного вида, в пиджаке и рубашке, но без галстука. Двое других, высоких и квадратных, одним только своим видом могли бы нагонять ужас и отчаяние в сердца любых добропорядочных граждан.

Один из верзил остался у двери, а трое подошли без промедления к парте, за которой сидел Гордей.

— Мой мобильник украли, — начал писклявым голосом парень в очках.

— Это он? — ткнул пальцем в Гордея один верзила, стоящий рядом, и сжал кулак, словно готовясь ударить.

— Нет-нет, — чуть ли не закрыл своей грудью пострадавший.

Весь класс замер и уставился на ребят, только Богдан выглядел безучастным.

— Я опознаю парня, вырвавшего мой мобильник, в любое время дня и ночи, — пояснил парень в очках, — но это не он. Вот только мобила в его руках — моя.

— Чё? — хотел встать Гордей, но парень в костюме, уверенно взяв его за плечи, силой усадил обратно.

— Я вижу, ты чёткий пацан, — начал этот солидного вида парень. — Я точно знаю, что тебе не нужны проблемы и мне не нужны проблемы. Мы тут лишь для того, чтобы уладить одно недоразумение. Поэтому возьми свой телефон. Открой в настройках IMEI своего телефона. Дальше я буду диктовать цифры уникального идентификационного номера своего друга. Если хоть в одном значении мы ошибёмся, то мы уйдём.

Гордей дрожащими руками нажимал кнопки на своём телефоне, а затем кивнул в подтверждение готовности.

Парень называл цифры, записанные у него на клочке бумаги, а Гордей с каждой новой цифрой становился по цвету лица все ближе к тону того самого листа, с которого читали страшные для него цифры.

— Все срослось, я так понимаю, — уточнил парень, но, не дожидаясь ответа, продолжил: — Значит, теперь два варианта. Либо ты отдаёшь нам мобилу по доброй воле, либо мы набираем со своего 102.

— Идите вы все в задницу! — пришёл в себя Гордей и встал на ноги. — Я купил этот телефон, и вы ничего не сможете мне предъявить.

Послышался громкий шлепок и скрип стула под Гордеем, который уже сидел на своём месте, закрыв лицо руками.

— О скупке краденого слышал? — тем же спокойным голосом продолжал парень. — Когда ты покупал мобильник без документов и коробки, ты должен был понимать, что он краденый. Наша задача — вернуть мобилу нашему другу. Нам глубоко насрать на тебя, но если ты хочешь в тюрьму, то пожалуйста.

После этих слов тот вытянул руку вперёд, а Гордей вложил свой телефон ему в руку.

— Верните ему трубу! — послышался голос с задней парты.

Богдан сидел, широко расставив ноги и сложив руки на соседние парты, словно царь на престоле.

— Бессмертие — это сказка, чувак, — обратился к Богдану тот же парень. — Это тебя не касается. Поэтому заткнись и поживи ещё чуток, — после этих слов он повернул голову в сторону Гордея, но был вынужден снова повернуться к Богдану.

— Это мой класс. И это мои ребята. Только я могу делать с ними всё что захочу. А этот разводняк идите отработывать на пенсионерах, если ещё кто-то верит в это. Понятно же, что

раздобыли IMEI мобилы через шестёрок своих, а теперь пытаетесь развести пацана. Верните ему трубу!

— А ты точно бессмертный, походу. Сейчас проверим, — к Богдану направился парень в два раза больше него, но тот оставался сидеть на своём месте.

— Спросите у Майбаса, кто я, а потом решайте, — с той же уверенностью в голосе выдал Богдан.

— Ты понимаешь, что будет, когда мы позвоним Стасу? — уточнил парень в костюме, но Богдан ничего не ответил, продолжая нагло смотреть прямо ему в глаза.

Ребята вернули телефон Гордею и ушли. Тот некоторое время сидел молча, а потом встал на ноги и направился к Богдану:

— Это ты всё подстроил! — кричал он.

— Давай! — крикнул в ответ Богдан, а затем, вскочив на ноги и схватив свой стул, запрыгнул на парту. — Подходи! Давай! — кричал он, занеся стул над головой. — Я дурак! Подходи!

— Это твоих рук дело! Ты подослал их, — продолжал сыпать обвинениями Гордей, остановившись в нескольких шагах от Богдана.

— Дебил! Думай что хочешь! Но куда важнее понять, кто сдал IMEI твоей мобилы, и вспомнить, что ты рассказывал нам во всех красках, как отжал этот аппарат у терпилы, а при ребятах ты признался, что купил его.

Я машинально дёрнулась, случайно задела локтем Алёну и резко соскочила со своего стула. На лице Богдана заходили желваки, а костяшки пальцев побелели от напряжения — он до боли сжимал край стула. Сейчас парень выглядел пугающе опасно, и я невольно задумалась: кто из них раздражает меня больше — Богдан или Гордей?

— Белов, опусти стул! — громко выкрикнула Алёна. Похоже, эта напряженная ситуация не только не смущала её, но даже забавляла. Она тоже вскочила со своего места и с явным интересом наблюдала за разворачивающимся конфликтом.

Гордей же не сводил с Богдана пристального взгляда, словно хищник, готовящийся к прыжку на свою жертву. Однако он медлил, тщательно выбирая угол атаки — опасался получить удар стулом и остаться в проигрыше.

Послышался ритмичный стук каблучков, и у дверей появилась учительница. Высокая женщина с русыми волосами, которые она так любила заплетать в хвост. При этом выбивающиеся непослушные прядки она аккуратно приглаживала заколками — те, в свою очередь, выглядели как маленькие пушистые помпоны. Эта деталь придавала учительнице вид, в котором сквозила лёгкая, почти детская наивность.

Однако её звонкий, властный голос заставил всех в классе невольно вздрогнуть.

— Так! — учительница решительно остановилась посреди класса, крепко сжимая в руках журнал. — Белов, что за фокусы? — Её суровый взгляд мог поспорить пронзительностью со взглядом хищной птицы, замершей перед броском.

Богдан медленно спрыгнул на пол и опустил стул. А Гордей, не теряя времени, приложил два пальца к своим глазам и сделал характерный жест — «глаза в глаза». Этот знак ясно говорил: «Я за тобой наблюдаю, и мы ещё не договорили».

— Быстро все сели по местам! — звонкий голос преподавателя мгновенно привёл весь класс в движение.

Богдан без лишних слов опустился обратно на свой стул, а Гордей вернулся на своё место. Их злобные взгляды, которые они бросали друг на друга исподлобья, красноречиво свидетельствовали: за стенами школы их не ждёт ничего хорошего.

Марина Ивановна — наша учительница физики — положила журнал на стол и снова окинула класс внимательным взглядом, уперев руки в бока.

— Мне не нравится, как вы сидите, господа, — строго произнесла она. — А ну-ка давайте-ка пересядем!

По классу прокатился громкий, почти стонущий вздох разочарования. Никто не горел желанием менять привычные парты и садиться невесть с кем.

— Баяндин! — резко указала рукой Марина Ивановна на дальнюю парту.

— А чё сразу я? — с наигранным удивлением вскинул брови Гордей.

— Ничё. Бери свои манатки и дуй на первую парту — к Вербовецкой, — непреклонно скомандовала учительница.

Девочка, которая сидела прямо у учительского стола, заметно заёрзала на месте. Ей явно было не по душе предстоящее соседство с Гордеем.

Парень подхватил свою сумку и с нарочито тяжёлым, вальяжным шагом побрёл между партами. При этом он умудрялся шумно вздыхать и охать, словно его отправляли не за парту, а на смертную казнь.

— Давай-давай, не тяни! — поторопила его Марина Ивановна, не сводя цепкого взгляда. И тут же снова нацелилась на класс: — Шитова, ты садишься с Азановым Мишей.

— Ну почему я?! — Алёна буквально скривилась от досады. Выражение её лица было столь страдальческим, будто её не попросили пересесть на один урок, а заставили искупаться в навозной яме.

Подруга схватила свою сумку и решительно направилась ко второй парте — к парню в больших, выразительных очках, с которым ещё совсем недавно сидела я. Она с нарочитым шумом плюхнулась рядом и тут же водрузила сумку на парту — прямо между собой и Мишей. Этим жестом она словно заявляла: сумка — надёжное препятствие, ближе не подходить.

Рядом со мной освободилось место. Учительница метнула в него взгляд, будто пустила стрелу, и, проигнорировав ещё не стихший вопрос Алёны, замерла. Я буквально видела, как у неё на виске пульсирует жилка, — так напряжённо она соображала, кого бы ко мне подсадить.

— Белов, — коротко бросила она, взмахнув рукой в сторону дальней парты, и жестом велела ему сесть рядом со мной.

Едва я осознала, кого именно ко мне подселили, в горле тут же встал неприятный ком. Я нервно оглянулась назад и увидела, что парень, ещё не остывший после недавней возни, резко метнул в меня взгляд — стремительный и колющий.

Все внутренности сжались до размера теннисного мячика. Я нервно теребила ручку и от волнения нечаянно выронила её. Спohватившись, потянулась было под парту, но Богдан, который как раз проходил мимо, среагировал куда быстрее. В тот миг, когда моя рука почти коснулась ручки, он ловко схватил её и с отчётливым хлопком положил на мою парту.

Наверное, между нами промелькнула всего секунда, пока наши взгляды пересекались. Но для меня она растянулась в целую вечность: за это время я успела мысленно проиграть десяток пугающих сценариев и едва не похоронила себя в собственных страхах.

Богдан сел рядом, а маленький пакетик аккуратно повесил на крючок сбоку парты. Рядом с ним будто стало теснее, душнее. От парня исходила такая мощная энергетика, что хотелось вскочить и броситься прочь со всех ног, даже не оглядываясь. И всё же сквозь это напряжение пробивался приятный запах — свежие нотки грейпфрута и аромат свежемолотых кофейных зёрен.

Парень по-прежнему тяжело дышал и то и дело нервно поглядывал на парту впереди — туда, где устроился Гордей.

От присутствия Богдана сердце застучало так, будто я стояла на пороге инфаркта. Я мысленно приказала ему успокоиться, вызывая к здравому смыслу, но оно и слушать не хотело — продолжало отчаянно колотиться о рёбра.

— Достаём тетради и открываем учебник на странице двадцать три, — властным, не терпящим возражений голосом произнесла наша учительница.

По классу тут же прокатился шелест бумаги, раздалось ленивое перелистывание страниц. Я же изо всех сил старалась смотреть только на учительницу, на доску и в свою тетрадь. Всё, что оказывалось вне этого узкого поля зрения, я упорно игнорировала.

Как оказалось, у Богдана не было учебника по физике, и закрывать глаза на то, что он сидит с одной лишь тетрадкой, казалось почти кощунственным. Но парень ничуть не смутился: он без лишних церемоний схватил мой учебник, быстро нашёл нужную страницу и положил книгу прямо в центр парты. Я не стала возражать, хотя теперь мой обзор невольно расширился — и я видела куда больше Богдана, чем планировала.

Пол-урока Марина Ивановна подробно объясняла решение задач, а под конец вызвала к доске Алёну. Подруга с откровенно недовольным видом поднялась с места и нехотя направилась в центр класса.

Было очевидно, что физика — далеко не самый любимый её предмет: Алёна с трудом подбирала нужные формулы, путалась в них и никак не могла внятно объяснить их смысл. После десяти минут возни Алёны у доски, Богдан наконец не выдержал и громко, на весь класс, бросил:

— Ускорение автомобиля будет три метра в секунду, а пройденный путь — восемьдесят семь с половиной! Не тупи, Шитова!

Алёна полоснула гневным взглядом в сторону Богдана, и её щёки вспыхнули, став одного оттенка с её ярко-красными губами. Я резко перевела взгляд на Богдана — впервые за весь урок — и невольно скользнула глазами по его тетради. Парень уже давно решил все задачи и теперь просто скучал, безучастно уставившись на доску, где Алёна всё ещё корпела над одной-единственной задачей.

— Белов! — Марина Ивановна пронзила Богдана строгим взглядом, пытаясь осадить его. Но он и не подумал промолчать, снова дерзко ответил:

— Мы можем сидеть здесь до второго пришествия Христа, но эта дура всё равно не решит эту задачу.

Теперь на него смотрела уже не только я — весь класс замер, повернувшись к Богдану. Наши взгляды снова пересеклись, и в зеленоватом оттенке его глаз на миг промелькнуло что-то неуловимое — не то жалость, не то затаённая доброта. Что-то такое, что он старательно прятал от всех. На долю секунды эта привычная стена рухнула, приоткрыв часть его души, — и я словно мельком увидела его истинный облик. Но уже в следующее мгновение Богдан снова закрылся, отгородился невидимой преградой и уставился сквозь меня, сосредоточив взгляд на Гордее, который оценивал моего соседа с откровенно недоброй ухмылкой.

Гордей поднял руку и медленно провёл пальцем по горлу — молчаливый, зловещий жест, означавший, что Богдану не жить.

Напряжение накалялось до предела, густое и осязаемое, словно воздух перед грозой. Я чувствовала себя так, будто очутилась в логове разъярённых гиен — прямо в самом эпицентре их ярости. Эта звенящая ниточка конфликта могла тянуться ещё долго, если бы вдруг не прозвенел спасительный звонок. Я невольно выдохнула с облегчением.

— Дома доделать задачу! — крикнула учительница, стараясь перекрыть шум захлопывающихся учебников и торопливое перелистывание страниц.

Все разом вскочили со своих мест и плотной толпой устремились к выходу.

Богдан одним резким взмахом руки смахнул с парты тетрадь и ручку — всё полетело в пакет. Я же, напротив, аккуратно сложила вещи в рюкзак. Алёна всё это время недовольно бубнила себе под нос и продолжала бухтеть всю дорогу, пока мы шагали по коридору на следующее занятие.

— И это я дура? Ты представляешь, Белов назвал меня душой... — не унималась подруга. — То, что я ошиблась в формуле, вовсе не значит, что он может так нагло себя вести!

В этот момент мимо нас стремительно прошёл Гордей. Он торопился, бесцеремонно расталкивал ребят, что шли навстречу, и невольно задел нас плечом.

Алёна мгновенно сориентировалась: молниеносно схватила Гордея за локоть и притянула к себе. Парень тут же замер и хищно уставился на девушку, одним взглядом давая понять, как дерзко с её стороны до него дотрагиваться.

— Во всём виноват Белов, — выпалила Алёна.

Гордей резко повернулся и рывком высвободил руку из её хватки.

— Без тебя знаю, — бросил он сухо.

— Я видела, как твой телефон упал во время драки... — Алёна наконец отпустила его локоть и едва заметно усмехнулась.

Громкий свист откуда-то с дальнего конца коридора заставил Гордея отвлечься. Он повернул голову: высокий парень махал ему рукой, давая понять, что нужно срочно подойти. Гордей снова метнул взгляд на Алёну и процедил:

— Мы ещё не закончили, — после чего быстрым шагом направился прочь.

Я уставилась на Алёну в полном недоумении.

— Ты и правда думаешь, что во всём виноват Богдан?

Подруга лишь улыбнулась и снова выудила из сумочки ярко-красную помаду.

— Нет, — она поднесла тюбик к верхней губе, аккуратно прорисовывая контур, — но я хочу, чтобы он ответил за «дуру». Так что совсем не буду против, если Баяндин снова ему косточки пересчитает.

От услышанного я застыла в шоке — даже рот приоткрыла.

— Ты серьёзно? Хочешь, чтобы они опять подрались?

Алёна закончила красить губы, щёлкнула крышкой помады и убрала её обратно в сумку.

— Оля-я, — она нарочито растянула последнюю гласную в моём имени и небрежно свесила руку мне на плечо, — это же стихия парней. Они вечно дерутся, и неважно, из-за чего, — одним фингалом меньше, одним больше, особой роли это не играет. Ладно, пойдём в столовую, я ужасно хочу есть.

Но я никак не могла согласиться с подругой. Мысль о том, что кто-то получит нагоняй ни за что, была мне противна — даже если этот человек и не вызывал у меня симпатии.

Мне хотелось докопаться до правды, а если нужно — предупредить Богдана. Поэтому, сославшись на отсутствие аппетита, я не пошла в столовую, а отправилась на следующий урок в надежде застать Белова в классе. И мне улыбнулась удача: Богдан сидел за последней партой в почти пустом кабинете. Я тихонько юркнула на соседнее место и уставилась на него во все глаза.

Парень удивлённо вскинул брови, глядя на меня, а я, не желая терять ни секунды, сразу перешла в наступление:

— Это твои проделки с телефонами? Потому что Алёна сдала тебя Гордею.

— Не лезь не в своё дело. Целее будешь, — резко, почти хлестко, выпалил Богдан.

— Ты не понял, — я решила не отступать и твёрдо посмотрела на него. — Алёна сдала тебя Гордею именно потому, что ты назвал её душой. — Мне казалось жизненно важным донести до него эту мысль.

— Что она ему сказала? — его голос прозвучал ещё резче, а взгляд стал тяжёлым, осуждающим. От этого пронизывающего внимания мне вдруг стало не по себе — будто я стояла перед ним совершенно обнажённая, без всякой защиты.

Я на мгновение растерялась под этим ледяным напором. Его слова повисли в воздухе между нами, словно застыли в вакууме, и мы оба замерли. Щёки предательски вспыхнули жаром, а в воображении сама собой возникла пустая выноска в форме облака, где совершенно не было слов.

Опустив глаза, я уставилась на свои руки, чувствуя себя маленьким провинившимся ребёнком, и тихо произнесла:

— Она видела, как телефон выпал из кармана Гордея.

Встретившись взглядом с собеседником, я тут же уловила в его глазах тень недоверия. Это заставило меня поспешно добавить, словно оправдываясь:

— В общем, я тебя предупредила.

Не дожидаясь новых вопросов, я резко вскочила с места и сделала шаг к выходу, пытаясь сохранить самообладание. Но в этот момент Богдан неожиданно перехватил меня — его пальцы крепко сомкнулись на моей кисти. Я невольно замерла и повернулась к нему, во взгляде читался немой вопрос.

— И всё же держись подальше от этих дел, — тихо произнёс он.

В его голосе неожиданно прорезались непривычные нотки мягкости, которые лишь усилили напряжение момента.

Я резко выдернула руку из его захвата. Нервно поправила сползающую лямку рюкзака на плече, пытаюсь скрыть охватившее меня смятение.

Кожа на руке всё ещё горела от его прикосновения — остро, почти болезненно. Ощущение было такое, будто меня ошпарили кипятком: внутри всё обмякло, словно кости превратились в песок, а лёгкие вдруг разучились втягивать воздух. Господи, и зачем я к нему пошла?

Не задерживаясь больше ни секунды, я выбежала в коридор, лихорадочно выискивая глазами знакомые лица в толпе.

Я некоторое время стояла одна возле окна в коридоре, потому что возвращаться в пустой класс к Богдану мне не хотелось. Я облегчённо выдохнула, когда увидела Алёну, но она была в ярости, словно фурия. Моя подруга была зла как чёрт из преисподней. Я уставилась на неё с широко раскрытыми глазами.

— Сраные малявки испортили мне блузку! Ты посмотри, какое пятно оставили?! — резко выпалила она, демонстративно ткнув пальцем в красное помутнение в области груди. — Мне нужно срочно домой.

Алёна порывисто достала из сумки бирку и протянула её гардеробщице.

— Ты пропустишь русский язык? — осторожно уточнила я.

— Фроловна меня простит. Пирожков куплю, — подмигнула подруга, легко отмахиваясь от проблемы. — Тем более она подруга мамы, часто у нас в гостях бывает. Придумаю что-нибудь.

Завершив фразу, Алёна накинула на плечи ярко-красное пальто — идеально подходящее под цвет её выразительных губ — и уверенно направилась к выходу.

Глава 6. Богдан: Разбитое сердце

Я сидел за партой, погружённый в мысли, которые крутились в голове, словно шестерёнки, пытаюсь сложить воедино только что услышанное от Ольги, но стоило мне подняться со стула, как взгляд невольно зацепился за пол.

Между партами, словно забытый осколок чьего-то дня, лежала небольшая кисточка — изящная, в виде броши. Этот предмет мгновенно выдернул из меня обрывки воспоминаний. Белый рюкзак, его аккуратный силуэт — и эта самая кисточка, беспечно болтающаяся на замке, будто дразнящая своей невесомостью.

Я наклонился, поднял хрупкий атрибут с пола и, не раздумывая, спрятал его в карман брюк и вышел в коридор. Думать об этой вещице сейчас не было времени. Если Алёна действительно видела, как во время драки со мной Гордей выронил телефон и его подобрал неспособный постоять за себя Миша, то он не сможет противостоять давлению Гордея и во всём признается. Хотя здравый рассудок должен был подсказать ему, что это не спасёт его, но в моменты отчаяния люди обычно плохо соображают.

К моему везению, первым мне навстречу попался Миша.

— Гордей не говорил с тобой? — сходу задал я свой вопрос.

— Нет, — поправил очки мой одноклассник. — А должен был?

— Беги домой! И оттуда сегодня ни ногой. Я всё улажу.

— А что случилось? У меня сегодня вечером шахматы. Я не могу... — попытался сопротивляться Миша.

— Если хочешь ещё немного пожить, то бегом домой. Сейчас же!

Последняя фраза словно привела в чувства любителя настольных игр, и он пулей рванул с места в сторону выхода.

— Алёнку Шитову из моего класса знаешь? — схватил я за локоть пробегающего мимо восьмиклассника, который жил в соседнем со мной подъезде.

— Ну, знаю, — продолжая жевать жвачку, отвечал мой сосед.

— Она в это время обычно в столовой. Беги туда и позаботься о том, чтобы ей срочно пришлось пойти домой.

— Как я её заставлю? — меланхолично пробубнил парень.

— Пролей случайно на неё что-нибудь, — предложил я как один из вариантов.

— С радостью, — оживился восьмиклассник и тут же рванул в сторону столовой.

Я хотел бросить вслед инструкции на случай, если Алёны не окажется в столовой, но этот парень был весьма находчивым, в чём я уже ранее имел возможность убедиться. Поэтому был уверен, что он доведет дело до конца.

В этой части мой план оказался безупречным: на следующем уроке Шитовой в классе не оказалось, как и на последнем.

Не то чтобы я боялся Гордея, но до решения вопроса с Алёной я не хотел ввязываться с ним в новую драку. Тем более было видно, что он готовился к нашей следующей встрече и вряд ли планировал откладывать надолго свой замысел. Поэтому на последнем уроке английского я начал активно всем подсказывать правильные ответы на тестировании, чем добился отстранения от уроков за пятнадцать минут до окончания.

По пути домой я заглянул к бабушке, где обнаружил деда в хорошем расположении духа. Явно он шёл на поправку и успел бросить в мой адрес пару своих шуток, а я поймал себя на постыдной мысли о том, что своим выздоровлением он испортил мне все планы. Я ненавидел себя за эту секундную мысль, понимая, что здоровье бабушки куда важнее моих личных проблем, которые в худшем случае закончатся парой синяков, но уж очень хотелось избежать этих неприятностей.

Всё с теми же смешанными чувствами я шёл домой. Нужен был новый план. Следовало как-то уговорить маму отпустить меня с ночёвкой к другу или придумать какое-то внеочередное соревнование или тренировку. Однако дома всё разрешилось само собой.

Оказалось, что мой отец вернулся из командировки, а это означало долгое застолье по такому случаю. За столом уже сидели друзья родителей и наши дальние родственники, которые обычно приходили к нам только в такие дни.

Я приобнял отца, наспех затолкал себе в рот кусочек копчёной курицы и пару кусков огурца. Как обычно в дни возвращения папы из командировок, на столе были и сыры, и солёная сельдь с копчёной скумбрией, несколько видов колбас, но мне ничего не хотелось — я был слишком удручён своими переживаниями по поводу Алёны и Гордея.

Приняв предложение отца, я угостился соком и ушёл на кухню, где пытался разобраться с домашними заданиями, но наши гости всё время требовали от меня то чай, то ещё одну тарелку бульона. Я исправно выполнял все их прихоти, поскольку в этот день моя репутация перед родителями должна была быть безупречной.

Дождавшись маму, я предупредил, что немного прогуляюсь, предварительно прихватив с собой запасные ключи от отцовской машины. Основные ключи он мог проверить перед сном, будучи очень щепетильным в отношении своих вещей и документов, а где хранился второй комплект ключей — мне казалось, что мои родители даже сами не помнят.

Дубликаты ключей от гаража я изготовил уже достаточно давно. Родители явно догадывались об этом, поскольку, отправляя меня в гараж с каким-нибудь поручением, давно уже не предлагали мне свои ключи. Поэтому я совершенно легально открыл гараж, но уже с большим волнением по поводу рисков быть замеченным со стороны соседей по гаражному кооперативу, запустил двигатель отцовской машины. Запомнив расположение указателя уровня топлива, я выехал из гаража.

Отец наверняка мог запомнить показания спидометра и наверняка так делал некоторое время после того, как я месяцами ранее спалился, залив в бак чуть больше бензина, чем потратил. Поэтому теперь я внимательно следил за показаниями уровня топлива и тщательно высчитывал, сколько литров мне нужно заправить после своих покатушек.

Мой новый план казался идеальным, пока я не оказался перед дверью Алёны. Я, не задумываясь, нажал на кнопку звонка, но всё ещё не мог придумать нужные слова, чтобы убедить её поехать со мной.

— Я пришёл извиниться, — сразу выпалил я, как только моя одноклассница открыла дверь.

— Засунь свои извинения, знаешь куда? — нахамила мне Алёна и попыталась закрыть дверь, но я поставил ногу в дверной проём.

— Но мне действительно жаль! Я не хотел тебя обидеть, — продолжал я, не обращая внимания на то, как артистично закатывает глаза девушка. — Возможно, ты единственная, перед кем я извиняюсь. Поэтому, как видишь, у меня это получается не очень.

Алёна надела туфли на высоких каблуках и вышла на лестничную площадку, аккуратно прикрыв за собой дверь, чтобы родители не слышали наш разговор. После чего сложила руки на груди и с безучастным видом снова отвела глаза в сторону.

— Ты же знаешь меня, — предпринял я новую попытку, — вечно скажу какую-то глупость невпопад. Зачем на дурака обижаться?

По выражению лица Алёны я понимал, что пока не продвинулся ни на миллиметр в своих попытках получить её расположение. И где моя находчивость и красноречие, о которых так часто говорят мои родственники и некоторые друзья?

— Ну что мы как дети? — не сдавался я после короткой паузы. — А пойдем лучше покажемся, — предложил я, взял уже немного оживившуюся одноклассницу за руку и потащил за собой.

— Никуда я с тобой не поеду, — с той же артистичностью, слегка сопротивляясь, шла за мной Алёна, но в машину села сама.

Я завёл двигатель, и мы выехали со двора.

— Хочешь шоколадку? — поинтересовался я, немного прибавив громкость магнитолы. — Возьми в бардачке, — продолжил я, не дожидаясь ответа.

Алёна недовольно и с шумом выдохнула, но открыла перчаточный ящик и достала оттуда плитку шоколада. Некоторое время она молча жевала, демонстративно уставившись в пассажирское окно, но потом принялась настраивать музыку на магнитоле. Найдя подходящий трек, она прибавила звук.

— Вот не умеешь ты, Белов, ухаживать за девушками, — пытаюсь перекрыть музыку, начала Алёна. — Ну что это такое? «Хочешь шоколадку? Возьми в бардачке», — пытаюсь передразнивать меня, корчила гримасы девушка. — Взял бы сам и дал в руки. Извиняться он тут приехал, видите ли.

Алёна ещё некоторое время ворчала о чём-то, но я старался не обращать внимания на её капризы и молча вёл машину.

Когда мы выехали из города и я сильнее нажал на педаль акселератора, Алёна открыла окно со своей стороны, откинулась на спинку сиденья и высунула ноги из окна.

— Опусть, пожалуйста, ноги вниз, — попросил я. — Это небезопасно.

— Какой же ты душила, Белов! — не собиралась прислушиваться к моему совету девушка.

— Но это действительно опасно, — настаивал я, решив сменить тактику. — Твои стройные ножки отвлекают меня от дороги.

Алёна машинально поправила свои и без того короткие шорты, которые задрались и до непристойности оголили её бедра, но ноги убирать не стала, а я немного сбавил скорость и решил больше не возвращаться к этому вопросу. Нельзя было допустить, чтобы она раньше времени потребовала вернуть её домой, и мы успели проехать несколько деревень, где с нескрываемым интересом к нам в окна заглядывала молодёжь, гуляющая по вечерним улицам, пока Алёна не поинтересовалась, куда мы едем.

— Катаемся, — коротко, как ни в чём не бывало, ответил я.

— Может, поедem уже обратно?

— Не будь душной, Шитова, — улыбнулся я, но мою шутку явно не оценили.

Спустя некоторое время я остановил машину на обочине и заглушил двигатель.

— Зачем мы остановились? — уже с нотками тревоги спросила Алёна.

— Раздевайся, — потребовал я.

— Что? — не веря своим ушам, округлила глаза девушка, подсознательно поправляя свою майку в районе декольте.

— Раздевайся, — твёрдо повторил я своё требование.

Алёна тут же дёрнула дверную ручку, выскочила из машины и побежала по дороге прочь от меня.

— Ты не в ту сторону бежишь! — неспешно выйдя из машины, крикнул я, сохраняя невозмутимое выражение лица.

Девушка остановилась, огляделась по сторонам и, поняв, что забыла, как я развернул машину в сторону города, прежде чем припарковаться, побежала в обратном направлении.

Цокая каблуками по асфальту, Алёна пробежала мимо меня, а я сел в машину и поравнялся с ней.

— Я всё равно бегая быстрее тебя, но могу пока ехать рядом в ожидании, пока ты окончательно выдохнешься. Поэтому остановись и послушай, что я тебе скажу, — открыв окно, предложил я, но моя одноклассница не собиралась сдаваться, хотя бег её уже был близок к

быстрому шагу. — Ты помнишь, сколько деревень мы проехали? — продолжал я. — Интересно, тебя уже в первой изнасилуют или тебе удастся добраться до второй?

Девушка остановилась. Начала шарить по своим карманам, но её последняя надежда в виде телефона, с которого она, видимо, решила вызвать такси, предательски была оставлена дома.

— Садись в машину, — вновь предложил я.

— Ты знаешь, что потом с тобой будет? Ты помнишь, кто моя мама? — перешла в наступление Алёна.

— Мне глубоко насрать и на тебя, и на твою маму. Сядь немедленно в машину! — строго потребовал я. — У тебя нет другого выхода. Здесь я один, а там толпы пьяных упырей, которые при виде таких красоток в коротких шортах начинают думать другим местом.

Алёна неуверенно села в машину. Глаза её увлажнились.

— Вот тебе бесплатный совет на всю жизнь, — начал я, — никогда никому не доверяй! Ни у одного маньяка на лбу не выгравировано, что он маньяк. Это понятно?

Девушка молча закивала.

— Сегодня я тебя не трону, но не потому, что испугался твоей мамы или чего-то ещё, а потому что у меня есть девушка, и я её люблю. Представляешь, такое тоже в жизни бывает? Некоторые люди любят не только себя.

Я тебя не трону, но ты должна будешь завтра сказать Гордею, что всё выдумала, потому что обиделась на меня. Ты должна убедить его, что ты соврала сегодня. Пойми, что за меня заступятся, и мне ничего не будет, а вот Мише Гордей такое не простит и, не сумев добраться до меня, всю свою злобу вымесит на бедном парне, чья скоропостижная гибель будет на твоей совести.

Я понимаю, что тебе плевать на всех и тем более на Мишу, но если ты не прислушаешься к моим советам, мне придётся повторить этот вечер или попросить кого-то исполнить это за меня. Ты красивая, за такое поручение мне даже платить не придётся. Мы договорились?

Алёна молча кивала.

— Скажи, что мы договорились! — потребовал я.

— Договорились, — шмыгая носом, ответила девушка. — Я завтра скажу, что всё выдумала.

— Умничка! — подытожил я и запустил двигатель.

Когда мы доехали до дома Алёны, я зачем-то ещё раз извинился за оскорбление, но поймал себя на мысли, что у меня теперь есть более весомые причины для извинений, а Алёна на прощание даже попыталась выдать улыбку.

Затем я сразу же направил машину в сторону дома Ксении.

Я стоял перед дверью Ксении с шоколадкой, с букетом цветов, которые нарвал в школьном саду, и с предложением покататься со мной, но, кроме холодного взгляда от своей возлюбленной, я ничего не получил. Все мои предложения и уговоры пойти покататься были встречены категоричным отказом, хотя и с пояснениями, что она не сможет выйти гулять раньше выходных.

— А знаешь, что? — после минутной паузы с твёрдой уверенностью начал я. — Мы расстаёмся! Пошла ты со всеми своими капризами в свою собственную капризную тощую задницу!

Ксения не успела опомниться, как я уже уверенно зашагал прочь.

Я уехал, а она так и продолжала стоять у окна подъезда с цветами и её любимой шоколадкой.

Я гнал машину, отгоняя мысли о том, чтобы вернуться обратно к Ксении. Сердце разрывалось от мысли, что ей сейчас так же паршиво на душе, как и мне. Хотя это вряд ли. Если бы она любила так же сильно, как я её, то не вела бы себя таким образом.

Весь погруженный в свои мысли, я забыл заправить машину. Поэтому, уже доехав до гаража был вынужден развернуться и поехать до ближайшей заправки.

Мысли путались в голове, но мне удалось всё же посчитать нужное количество бензина и вернуть стрелку указателя топлива в требуемое положение.

Едва я выехал на дорогу, как в зеркалах заднего вида заблестели красно-синие огни, и в невнятной речи через громкоговоритель я распознал номер нашей машины с требованием остановиться.

Отогнав в сторону мысли о том, что можно попытаться уехать от опытных инспекторов, чей стаж вождения был гораздо больше моего, я остановил машину и вышел.

— Здравия желаю, — уверенным голосом поздоровался я в ответ на требование предъявить документы. — Я бы мог рассказать вам какую-нибудь небылицу вроде того, что был вынужден срочно отвезти тяжело раненого человека в больницу, — продолжил я более мягким голосом, — но врать не стану. Я взял машину своего отца, чтобы впечатлить свою девушку. Хотел покатать её, а она ответила, что в такую нищевородскую машину не сядет.

— Чего? — удивился один из инспекторов. — Нормальная такая тачка.

— Я тоже так думаю, поэтому послал её к чертям, — согласился я, услышав в его словах слабую надежду.

— Это всё хорошо, — вступился второй, — но факт угона остаётся фактом.

— Какой же это угон, если я у своего отца машину взял?

— Самый настоящий! — настаивал офицер.

— Подождите! Я всё придумал, — оживился я после секундной паузы. — Я понимаю уровень общественной опасности моего проступка, — старался я разговаривать на их языке, судорожно вспоминая красивые фразы с уроков обществознания, — но я готов всё возместить.

После этих слов я достал из внутреннего кармана ветровки увесистую, на мой взгляд, пачку денег, вырученных с последней сделки, и протянул им, понимая, что торговаться бесполезно после того, как засветил всю пачку.

— А где весь товар? — взяв в руки и внимательно осматривая деньги, поинтересовался инспектор.

— Вы неправильно поняли, — попытался я объясниться.

— Всё мы поняли. Доставай весь товар, пока мы не начали обыскивать тачку. Отдай по доброй воле, и на первый раз мы закроем глаза на это.

— Можете обыскать, но там нет ничего запрещённого, — стоял я на своём, хотя колени предательски подкашивались. — Это мои деньги, которые я копил все это время, а сегодня взял с собой всё с той же надеждой впечатлить свою девушку.

Инспекторы переглянулись, а я замер в ожидании, пытаясь придумать другие варианты решения возникшей ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.